

Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 7–14.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2023. No. 9. P. 7-14.

Научная статья

УДК 27:392.1:930.1(470)

doi: 10.24412/2713-0231-2023-9-7-14

ТРИЗНА: ЭТИМОЛОГИЯ ТЕРМИНА

Олег Дмитриевич Федченко

Брянск, Россия, vukby@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается этимология терминов Древней Руси. Изучается происхождение терминов, определяющих княжескую, дружинную культуру летописной руси. Предложена этимология таких понятий как *князь*, *витязь* и *тризна*, встречающиеся в древних документах. Выявлено, что эти термины имеют балтское происхождение. Определена словообразовательная модель и наличие данных слов в известных балтских языках. Проведен сопоставительный анализ различных источников. Рассмотрены описания похоронного обычая пруссов, русов на Руси, описанных Вульфстаном, Ибн-Фадланом и русским летописцем. Процессы обряда оказались совпадающими, что позволило сделать вывод о значении термина «тризна». Тризна – это определение комплекса мероприятий похоронного обряда, связанного с подготовкой усопшего, пиршеством и сжиганием умершего. В этом контексте должна быть рассмотрена и этимология термина. Однако исследователи предлагают различные версии, имеющие мало общего со значением сущности обряда. Этимология рассмотренного термина связана с балтским обобщающим глаголом *trinti*. Раскрыто содержание и значение терминов. Представленный материал позволяет сделать вывод о происхождении руси с берегов Балтики. Следует понимать, в какой языковой среде отмечено это слово. Прежде всего, тризна имеет отношение к русам, князем которых был Игорь, кривичам и вятичам – племенам, имевшим балтскую составляющую. Одной из главных черт мировоззрения первых русов выступали княжеские боги, этимология которых нашла свое разрешение в балтской языковой среде; антропонимы Рюрика, его братьев и русов также восходят к тем же истокам. Выводы полностью совпадают с мнением известного археолога В.И. Кулакова, который считает, что «скорее всего, располагавшая многочисленной дружиной – Самбия – дала в начале второй половины IX в. вооруженный контингент для стабилизации общественного положения и, соответственно, торговых путей на прилегающих к восточной оконечности Балтики землях» Предложенная статья дает новый импульс для изучения происхождения традиций на территории Древней Руси, о миграции населения и формирования культуры.

Ключевые слова: Русь, тризна, князь, витязь, викинг, пруссы.

Для цитирования: Федченко О.Д. Тризна: этимология термина // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 7–14. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-7-14>

Original article

TRIZNA: ETYMOLOGY OF THE TERM

Oleg D. Fedchenko

Russia, Bryansk, vukby@yandex.ru

Abstract. The article deals with the etymology of the terms of Ancient Rus'. The origin of the terms that define the princely, retinue culture of chronicle Rus' is studied. The etymology of such concepts as prince, knight and trizna, found in ancient documents, is proposed. It is revealed that these terms are of Baltic origin. The word-formation model and the presence of these words in the known Baltic languages are determined. A comparative analysis of various sources has been carried out. The descriptions of the funeral custom of the Prussians, Russ and in Rus', described by Wulfstan, Ibn Fadlan and the Russian chronicler, are considered. The processes of the rite turned out to be the same, which made it possible to draw a conclusion about the meaning of the term "trizna". Trizna is the definition of a complex of events of the funeral rite associated with the preparation of the deceased, the feast and burning of the deceased. The etymology of the term should also be considered in this context. However, researchers offer various versions that have little to do with the meaning of the essence of the rite. The etymology of the considered term is connected with the Baltic generalizing verb trinti. The content and meaning of the terms are disclosed. The presented material allows us to draw a conclusion about the origin of Rus' from the shores of the Baltic. It should be understood in which language environment this word is marked. First of all, trizna has to do with the Russ, whose prince was Igor, the Krivichi and Vyatichi – tribes that had a Baltic component. One of the main features of the worldview of the first Russ were princely gods, whose etymology found its resolution in the Baltic language environment; the anthroponyms of Rurik, his brothers and the Rus also go back to the same origins. The conclusions completely coincide with the opinion of the famous archaeologist V.I. Kulakov, who believes that "most likely, the Sambia, which had a large squad, gave an armed contingent at the beginning of the second half of the IX century to stabilize the social situation and, accordingly, trade routes on the lands adjacent to the eastern tip of the Baltic". The proposed article gives a new impetus to the study of the origin of traditions in the territory of Ancient Rus', about the migration of the population and the formation of culture.

Keywords: Rus', trizna, prince, knight, viking, Prussians.

For citation: Fedchenko O.D. Trizna: etymology of the term. Humanitarian Studies. History and Philology. 2023;9:7-14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-7-14>

*Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега...
А. С. Пушкин. Песнь о Вещем Олеге.*

Введение

В ПВЛ при описании племен, проживавших на территории будущей Руси, упоминается погребальный обряд *trizna*: «И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, затем (однако, в оригинале используется слово «посемъ», то есть «поэтому», имеющем значение «по этой причине» – прим. Ф.О.) делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, и после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этому же обычаю держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон» [ПВЛ].

Еще раз о тризне говорится в контексте княгини Ольги:

– после убийства древлянами Игоря – «Вот уже иду к вам, приготовьте меда многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему муже». Они же, услышав об этом, свезли множество меда. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям насыпать высокий холм могильный и, когда насыпали, приказала совершать тризну»;

– перед смертью княгини – «Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника – тот и похоронил блаженную Ольгу» [ПВЛ] (имеем корреляцию «тризна – похороны»).

На основе изложенного можно предполагать, что тризна – это некая часть похоронного обряда, связанного с сжиганием умершего. В этом контексте должна быть рассмотрена и этимология термина. Однако исследователи предлагают различные версии, имеющие мало общего со значением сущности обряда. Ряд исследователей (И. Ягич, А. Соболевский, А. Брюкнер, Г. Крек) происхождения древнерусского слова *тризна* «состязание; подвиг; награда; поминальное пиршество» связывают с праславянским **tryzna*, которая имеет параллели с понятием *травить* «(поминальное) угощение» [Фасмер 1986–1987 т. 4: 102]. О. Н. Трубачев возводил слав. **trizna* к слову **trizь* «трёхгодовалый (о жертвенном животном)» от числительного **tri* при помощи редкого суффикса *-z-* [Трубачев 1959: 134–135].

От числительного отталкивается и В.Н. Топоров, который выдвинул предложение, что тризна означает три вида особого состязания, наподобие троеборья, или жертвоприношение трёх видов животных, символизирующих три мира – подземный, земной и небесный [Топоров 1979: 5–6, 13–14]. Конечно же, не обошлось и без германизмов. Некоторые исследователи (А. Мейе, П. Перссон, Ф.Ф. Фортунатов) нашли похожее слово в древнеисландском *strið*, означавшее «спор, война, беспокойство, мука», и предлагают считать, что именно оно лежит в основе тризны [Фасмер 1986–1987 т. 4: 102]. Предложенные версии несостоятельны, поскольку не соответствуют обстоятельствам, изложенным в первоисточнике. Кроме того, исследователями признается, что «тризна – это не пир и не бой» [Трубачев 1959: 132].

Основная часть

Следует понимать, в какой языковой среде отмечено это слово. Прежде всего, тризна имеет отношение к русам, князем которых был Игорь, кривичам и вятичам – племенам, имевшим балтскую составляющую [Никольская 1971: 12; Шмидт 2012: 113]. Одной из главных черт мировоззрения первых русов выступали княжеские боги (пантеон Владимира, как характерный атрибут), этимология которых нашла свое разрешение в балтской языковой среде; антропонимы Рюрика, его братьев и русов также восходят к тем же истокам [Федченко 2022: 28–33, 93–98]. Необходимо обратиться к балтским языкам и в этом случае, мы имеем и истоки таких терминов, как князь и витязь.

Древнерусский термин *князь* соответствует литовскому слову *kūningas* (*kūnis*, возвышенный, большой человек, столп [LKZ]), словообразовательная модель которого связана с характерным корнем *kūn-* – *kauti* (*kauna*), заключающем «военные» значения «рубить, резать, колотить» [Karaliunas 1982: 166] и древнебалтским суффиксом *-ing* [Кузьменко 2011: 104]. Тот же древнебалтский суффикс *-ing* при корне *vit-* приводит нас и к прусскому *vit(t)ing* и к литовскому *vytingis* [Mažiulis 1988–1997 т. 4: 255], в основе которых

лежит глагол *vytoti*, *vyti* с общим значением «защищать, бить, гнать и т. д.» [Smoczyński 2007: 764; LKZ], то есть *витязь* – это воин, защитник. Соответственно, это слово не имеет никакого отношения к понятию *викинг*, которое обозначает человека, ходившего в *вик* (древненорвежское *vik* «бухта, залив», то есть викинг – это сродни пирату, выходящему в море грабить торговые суда или прибрежные территории).

В таком случае термин *trizna* может быть связан с прусским *trinsnan* (**trinsna*), несмотря на выявленное по единичным упоминаниям в средневековых документах значение «мститель, месть, мщение» [Mažiulis 1988–1997 т. 4: 200; Palmaitis, Klosse 2011: 146], определение его более широко, если проследить этимологию. В основе лежит лексема *trin-* (литовский глагол *trinti*, латышский *trit* [Derksen 2015: 471]) с суффиксом *-sno*, который использовался для образования названий действий от соответствующих глаголов [Palmaitis, Klosse: 7]. В литовском языке *trinti* имеет широкий спектр значений «тереть, намазывать, обматывать, шлифовать, царапать, бедствовать, пронзать, есть, сосать, поглощать, дробить, петь и т. д.» [LKZ] и относится к индоевропейскому корню *ter-/terə-/teri-/trī-* «тереть, натирать, растирать и т. д.» [Pokorny 1959: 1071–1072]. Сюда же J. Pokorny относит и славянское *tryjo*, *tryti*, сравнивая с греческим *τρῖω* «втирать» и определяя в этом контексте *trizna* (от **tryzna*), как «похоронное торжество» [Pokorny 1959: 1073], хотя такое определение не несет никакого раскрытия сущности термина.

Теперь обратимся к обряду русов, описание которого дошло до нас.

Арабский путешественник Ибн-Фадлан (X век) так видел похоронный процесс: «...дошло до меня (известие) о смерти одного выдающегося мужа из их числа. И вот они положили его в его могиле и покрыли ее крышей над ним на десять дней, пока не закончили кройки его одежд и их сшивания... для богатого (поступают так): собирают его деньги и делят их на три трети, – (одна) треть (остается) для его семьи, (одну) треть (употребляют на то), чтобы для него на нее скроить одежды, и (одну) треть, чтобы приготовить на нее набиз, который они будут пить в день, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином; а они, всецело предаваясь набизу, пьют его ночью и днем... Они в те десять дней пьют и сочетаются (с женщинами) и играют на сазе... Когда же пришел день, в который будет сожжен (он) и девушка, я прибыл к реке, на которой (находился) его корабль, – и вот, (вижу, что) он уже вытасчен (на берег) и для него поставлены четыре подпорки из дерева (материала) ха-данга (белого тополя) и другого (дерева), и поставлено также вокруг него (корабля) нечто вроде больших помостов (амбаров?) из дерева. Потом (корабль) был протасчен (дальше), пока не был помещен на эти деревянные сооружения. И они начали уходить и приходить, и говорили речью (которой) я не понимаю. А он (мертвый) был далеко в своей могиле, (так как) они (еще) не вынимали его... Когда же они прибыли к его могиле, они удалили в сторону землю с дерева (с деревянной крышки) и удалили в сторону (это) дерево и извлекли его (мертвого) в покрывале, в котором он умер, и вот, я увидел, что он уже почернел от холода (этой) страны. А они еще прежде поместили с ним в его могиле набиз и (некий) плод и лютию. Итак, они вынули все это, и вот он не завонял и не изменилось у него ничего, кроме его цвета...». Далее следовало описание жертвоприношения животных, убийства девушки и сожжения их с покойником. «И вот, действительно, не прошло и часа, как превратился корабль, и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в (мельчайший) пепел. Потом они

построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга (белого тополя), написали на ней имя (этого) мужа и имя царя русов и удалились» [Древняя Русь т. 3: 71–76].

Причем, в рассказе Фадлана интересен момент с жертвоприношением лошадей: «взяли двух лошадей и гоняли их до тех пор, пока они не вспотели» [Древняя Русь т. 3: 74]. Аналогичный сюжет представлен и Петром из Дусбурга при описании похоронного обычая пруссов: «прежде чем сжечь коней, их загоняют настолько, что они едва могут стоять на ногах» [Петр 1997: 52]. Еще раньше свой рассказ о погребальном обряде эстов представил путешественник Вульфстан (IX в.): «Есть у эстов обычай, что когда человек умирает, он лежит в (своем) доме, несожженный, со своими родственниками и друзьями месяц, а иногда и два. А король и другие люди высшего сословия – еще дольше, в зависимости от того, насколько они богаты; иногда они остаются несожженными в течение полугода. И лежат на земле в своих домах. И все то время, пока тело находится в доме, они должны пить и участвовать в состязаниях до того дня, когда его сожгут. Затем в тот день, когда они понесут его на костер, они делят его имущество, которое осталось после возлияний и состязаний... <затем на конных состязаниях разыгрывают это имущество>... И когда его имущество таким образом разделено, его выносят и сжигают с его оружием и одеждой... И есть среди эстов племя, которое может создавать холод; и поэтому покойник лежит так долго и не разлагается, ибо они навлекают на него холод. И если поставить две бочки, полных пива или воды, они делают так, что и то и другое замерзает, будь то летом или зимой» [Матузова 1979: 26–27].

Похоронный процесс в трех имеющихся случаях (Вульфстан, Ибн-Фадлан, ПВЛ) можно выразить примерно следующей схемой: смерть – бальзамирование – яма/дом – пиршество – жертвоприношение – сожжение – погребение. Как раз эти манипуляции в обряде и находят отражение в обобщающем глаголе *trinti*: натирать, намазывать – бальзамирование; обертывать, задерживать – яма/дом; есть, поглощать, дробить (имущество покойника), флиртовать (сочетаются с женщинами), пить – пиршество; убивать, измельчать <для приготовления пищи> – жертвоприношение. Предложенный глагол также полностью соответствует выводам С.М. Соловьева, который считал, что «под Тризной разумелись, как видно, вообще поминки и потом преимущественно борьба в честь умершего; с поминками соединялись веселый пьяный *nur*, также *резание*, *царапание* лица» [ЭСБЕ т. 66: 823]. И уже совсем совпадение наблюдаем в описании похорон у скифов, оставленном Геродотом: «когда скифский царь умирал, тело умершего, обмазав воском, наполнив благовонными травами, укладывали на колесницу и возили по степи поочередно ко всем подвластным народам. Встречая кортеж, *резали* себе уши, *остригали* волосы, *прокальвали* правые руки стрелами, но вместе с тем устраивали *пиршества*, пили, пели, плясали» [ЭСБЕ т. 66: 823].

Другим аспектом, на который обращают внимание исследователи – связь прусского *trinsna(n)* с Перкунасом. Определяя его значение, относящимися к глаголам *grūmōti*, *keršyti*, мы приходим к понятиям «петь, громыхать» (т.е. крики, песни и пляски во время тризны являются подражанием грохоту Громовержца) и, в то же время, «рубить, жечь» (индоевропейский корень *(s)ker-*) [Топоров 1975-1990 т. 2: 309–311; т. 4: 28; Mažiulis 1988–1997 т. 4: 199–200] (семантика сжигания – остается пепел – растереть в пыль).

Заключение

Таким образом, тризна – это определение комплекса мероприятий похоронного обряда, связанного с подготовкой усопшего, пиршеством и сжиганием умершего. Исторически фонетика дифтонга *-in-* читалась как *А* (малый юс) перед согласными *G* и как *И* /i:/ перед согласными *S* (похожая система имеется в польском языке). Также мы вновь можем констатировать, что основные термины княжеского окружения Древней Руси имеют вполне прозрачную этимологию в балтской языковой среде, также, как и теонимы, антропонимы руси.

Данные выводы полностью совпадают с мнением известного археолога В.И. Кулакова, который считает, что «скорее всего, располагавшая многочисленной дружиной – Самбия – дала в начале второй половины IX в. вооруженный контингент для стабилизации общественного положения и, соответственно, торговых путей на прилегающих к восточной оконечности Балтики землях» [Кулаков 1999: 191]. Филолог Л. Палмайтис делал вывод, что первичными русами следует считать скаловских балтов, именовавшихся по месту обитания у рукава Немана Руса [Палмайтис 2003: 5]. Таким образом, лингвистика и археология однозначно определяют локализацию летописной руси на Самбийской периферии в устье Немана.

Список литературы

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия в 5 томах. Под редакцией Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науки, 2009.
2. Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011. 266 с.
3. Кулаков В.И. Погребальный обряд пруссов в эпоху раннего средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 182–196.
4. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. / Под. ред. В.Т. Пашуто, Я.Н. Шапова. М.: Наука, 1979. 269 с.
5. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 294 с.
6. Палмайтис Л. Предложение по научной русификации исконных наименований перешедшей в состав России северной части бывшей Восточной Пруссии. Европейский институт рассеянных этнических меньшинств, 2003. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/653626-1-institut-europen-des-minorits-ethniques-disperses-evropeyskiy-institut-rasseyannih-etnicheskih-menshinstv-letas.php>
7. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М.: Ладомир. 1997. 384 с.
8. ПВЛ – Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова. Электронные публикации. Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 12.12.2022).
9. Топоров В.Н. К семантике троичности (слав. *trizna и др.) // Этимология, 1977. М.: Наука, 1979. С. 3–20.
10. Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. М.: Наука, 1975–1990. Т. 1–5.
11. Трубачев О.Н. Следы язычества в славянской лексике (1. Trizna. 2. Ręti. 3. Ковь) // Вопросы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 4. С. 134–135.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: "Прогресс", 1986–1987, в 4 томах.
13. Федченко О.Д. Рюрик, русь и Русь. Екатеринбург: «Издательские решения», 2022. 150 с.

14. Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск: Изд-во «Смоленский государственный университет», 2012. 168 с.
15. ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
16. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden·Boston, 2015. 684 p.
17. Karaliūnas S., Lie. {kūnas}. Baltistica, 1982. XVIII (2). P. 165–166.
18. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005. URL: <http://lkz.lt/> (дата обращения: 12.12.2022).
19. Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius: Mokslas, Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1988–1997. Vol. 4.
20. Palmaitis L., Klosse K. Pomesanian Prussian. Kaunas, 2011. 163 p.
21. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern, München: Francke AG Verlag, 1959. 1183 S.
22. Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas – LKZ). Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007. 823 p.

References

1. Drevnjaja Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [Ancient Rus' in the light of foreign sources]. Moscow, Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauki Publ., 2009. (In Russ.).
2. Kuz'menko Ju.K. Rannie germancy i ih sosedi: Lingvistika, arheologija, genetika [The Early Germans and Their Neighbors: Linguistics, Archeology, Genetics]. Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2011, 266 p. (In Russ.).
3. Kulakov V.I. Pogrebal'nyj obrjad prussov v jepohu rannego srednevekov'ja [Funeral rite of the Prussians in the early Middle Ages]. *Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury, Pogrebal'nyj obrjad*. Moscow, Nauka, 1990, pp. 182-196. (In Russ.).
4. Matuzova V.I. Anglijskie srednevekovye istochniki IX-XIII vv. [English medieval sources of the 9th–13th centuries.]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 269 p. (In Russ.).
5. Nikol'skaja T.N. Zemlja vjatichej. K istorii zaselenija bassejna verhnej i srednej Oki v IX-XIII vv. [Land of the Vyatichi. On the history of the settlement of the basin of the upper and middle Oka in the 9th-13th centuries.]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 294 p. (In Russ.).
6. Palmajtis L. Predlozhenie po nauchnoj rusifikacii iskonnyh naimenovaniy pereshedshej v sostav Rossii severnoj chasti byvshej Vostochnoj Prussii. Evropejskij institut rassejannyh jetnicheskikh men'shinstv [Proposal for the scientific Russification of the original names of the northern part of the former East Prussia that became part of Russia. European Institute of Dispersed Ethnic Minorities]. 2003. (In Russ.). Available at: <http://libed.ru/knigi-nauka/653626-1-institut-europen-des-minorits-etniques-disperses-evropeyskiy-institut-rasseyannih-etnicheskikh-menshinstv-letas.php> (accessed: 12.12.2022).
7. Petr iz Dusburga. Hronika zemli Prusskoj [Peter from Doesburg. Chronicle of the land of Prussia]. Moscow, Ladomir Publ., 1997, 384 p. (In Russ.).
8. PVL - Povest' vremennyh let. Podgotovka teksta, perevod i komentarii O.V. Tvorogova [PVL - The Tale of Bygone Years. Preparation of the text, translation and comments by O.V. Tvorogova]. (In Russ.). Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (accessed: 12.12.2022).
9. Toporov V.N. K semantike troichnosti (slav. *trizna i dr.) [On the semantics of trinity (Slav. *trizna, etc.)] *Jetimologija*, 1977, Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 3-20. (In Russ.).
10. Toporov V.N. Prusskij jazyk [Prussian language]. Moscow, Nauka Publ., 1975-1990, vol 1-5. (In Russ.).

11. Trubachev O.N. Sledy jazыchestva v slavjanskoj leksike (1. Trizna. 2. Pěti. 3. Kob') [Traces of paganism in Slavic vocabulary (1. Trizna. 2. Pěti. 3. Kobü)]. *Voprosy slavjanskogo jazыkoznanija*, Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1959, iss. 4, pp. 134-135. (In Russ.).
12. Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazыka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1986-1987. (In Russ.).
13. Fedchenko O.D. Rjurik, rus' i Rus' [Rurik, Rus and Rus']. Ekaterinburg, Izdatel'skie reshenija Publ., 2022, 150 p. (In Russ.).
14. Shmidt E.A. Krivichi Smolenskogo Podneprov'ja i Podvin'ja (v svete arheologičeskikh dannyh) [Krivichi of the Smolensk Dnieper and Dvina (in the light of archaeological data)]. Smolensk, Smolenskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2012, 168 p. (In Russ.).
15. JeSBE - Jenciklopedičeskij slovar' Brokgauza i Efrona [ESBE - Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. Saint Petersburg, 1890-1907. (In Russ.).
16. Derksen R. *Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon*. Brill. Leiden·Boston, 2015. 684 p.
17. Karaliūnas S., Lie. {kūnas}. *Baltistica*, 1982. XVIII (2). P. 165–166.
18. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005. URL: <http://lkz.lt/> (дата обращения: 12.12.2022).
19. Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius: Mokslas, Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1988–1997. Vol. 4.
20. Palmaitis L., Klosse K. *Pomesanian Prussian*. Kaunas, 2011. 163 p.
21. Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, Bern, München: Francke AG Verlag, 1959. 1183 S.
22. Smoczyński W. *Słownik etymologiczny języka litewskiego (Lietuvių kalbos etimologinis žodynas – LKZ)*. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007. 823 p.

Информация об авторе

О.Д. Федченко – независимый исследователь.

Information about the author

O.D. Fedchenko – independent researcher.

Статья поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 25.10.2022.